

Черепахи - и нет им конца

Автор:

[Джон Грин](#)

Черепахи - и нет им конца

Джон Грин

MustRead - Прочесть всем!

Пропал миллиардер Рассел Пикет, и за любую помощь в его поисках объявлено солидное вознаграждение. Именно тогда Дейзи вместе с лучшей подругой Азой Холмс решают найти его во что бы то ни стало.

Но для Азы это приключение грозит стать настоящим испытанием. Ведь ей придется общаться с людьми - а наедине с собой быть куда приятнее. Думать о других - но ей сложно отделаться от собственных навязчивых мыслей. И возобновить знакомство с сыном Пикета Дэвисом - а это лишь необходимость говорить правильные слова в то время, когда сама ты думаешь совсем о другом.

Сможет ли Аза бросить себе вызов, побороть свои страхи и попытаться стать лучшей версией себя? Или перемены - не всегда к лучшему?..

Джон Грин

Черепахи - и нет им конца

John Green

TURTLES ALL THE WAY DOWN

© John Green, 2017

© Школа перевода В. Баканова, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

* * *

Посвящается Генри и Элис

Человек может делать то, что он желает, но не может желать, что ему желать.

Артур Шопенгауэр

Глава 1

Мысль о том, что меня могли выдумать, впервые пришла мне в голову, когда я проводила дни в общественном заведении под названием школа «Уайт-Ривер», на севере Индианаполиса. Мне приходилось обедать строго с двенадцати тридцати семи до четырнадцати минут второго, и силы, установившие такой порядок, были настолько велики, что я не имела о них даже отдаленного представления. Если бы эти силы изменили время обеда или соседи по столу, помогавшие писать мою судьбу, в тот сентябрьский день выбрали иную тему для разговора, меня ждал бы совсем другой конец или, по крайней мере, другая середина. Однако я уже тогда начала понимать, что жизнь – это история, рассказанная не тобой, а о тебе.

Конечно, ты притворяешься автором. У тебя нет выхода. Когда в тридцать семь минут первого с высоты раздается протяжный сигнал, ты принимаешь решение: Пойду обедать. На самом же деле за тебя решает звонок. Ты считаешь себя художником, но ты – холст.

В столовой гудели, перекрывая друг друга, сотни голосов, они слились в один звук, похожий на шум реки, бегущей по камням. Флуоресцентные трубки извергали с потолка агрессивный искусственный свет, а я сидела под ними и думала: все считают себя героями собственного эпоса, но в реальности мы – практически идентичные организмы, которые образовали колонию в просторном помещении без окон, пропахшем моющей жидкостью и жиром.

Я жевала сэндвич с арахисовой пастой и медом и пила «Доктор Пеппер». Если честно, процесс измельчения растений и животных с последующей отправкой их вниз по пищеводу кажется мне довольно отвратительным, поэтому я старалась не думать о том, что ем, а значит, в каком-то смысле все-таки об этом думала.

Напротив меня сидел Майкл Тернер и царапал что-то на желтых страницах блокнотика. Наш стол – как старая бродвейская пьеса: состав актеров год от года меняется, но герои – никогда. Майкл был Эстетом. Он разговаривал с Дейзи Рамирес, с первого класса исполнявшей роль моей Бесстрашной Лучшей Подруги, однако из-за шума я не слышала, о чем у них речь. Кого же играла я сама? Компаньонку. Подругу Дейзи, или Дочку миссис Холмс. Я была чьим-то кем-то.

Желудок заработал, и даже сквозь шум я слышала, как он переваривает сэндвич, как бактерии жуют слизь арахисовой пасты – будто школьники, обедающие в моей внутренней столовой. Я содрогнулась.

– Ты ездила с ним в лагерь? – спросила у меня Дейзи.

– С кем?

– С Дэвисом Пикетом.

– Ездила. Ну и что?

– Ты нас вообще не слушаешь?

Я слушаю, подумала я, какофонию своего пищеварительного тракта. Конечно, я давно знаю, что являюсьместищем множества паразитических организмов, но не люблю об этом вспоминать. Наше тело примерно на пятьдесят процентов

состоит из микробов, значит, половина клеток, тебя образующих, – совсем не твои. В моей биосистеме в тысячу раз больше микробов, чем людей на земле, и мне часто кажется, что я их чувствую – как они живут, размножаются и умирают во мне и на мне. Я вытерла вспотевшие ладони о джинсы и постаралась дышать ровнее. Признаю, человек я довольно нервный, но если ты – обернутая в кожу колония бактерий, тут есть о чем поволноваться.

Майкл сказал:

– Его отца хотели арестовать за взятку или типа того, однако ночью, как раз накануне, тот пропал. За сведения о нем предлагают награду – сто тысяч долларов.

– А ты знаешь сына, – объяснила Дейзи.

– Когда-то знала.

Я смотрела, как она атакует вилкой прямоугольный кусочек пиццы и стручки зеленой фасоли. Дейзи то и дело поглядывала на меня, широко раскрывая глаза, будто говорила: Ну? Ей хотелось, чтобы я спросила о чем-то, но я не понимала – о чем, потому что желудок никак не мог заткнуться, и это меня тревожило: что, если я подхватила паразитов?

Майкл рассказывал Дейзи о своем новом арт-проекте: он взял лица ста мужчин по имени Майкл и с помощью «Фотошопа» создал из них усредненного сто первого. Было интересно, однако вокруг стоял ужасный гвалт, а я все еще не могла остановиться – думала, вдруг во мне нарушилось равновесие микробных сил?

Шумы в кишечнике – редкий, но известный медицине симптом заражения бактериями *Clostridium difficile*, которое может привести к летальному исходу. Я вытащила телефон и стала перечитывать статью в «Википедии», посвященную триллионам живущих во мне микробов. Я щелкнула по разделу *C. diff*, пролистала до параграфа, где писали, что чаще всего клостридиями заражаются в больницах. Добралась до списка симптомов, из которых не нашла у себя ничего, кроме шумов в брюшной полости – но ведь в Кливлендской клинике был случай, когда умерла пациентка с одной только болью в кишечнике и жаром. Я напомнила себе, что жара у меня нет, и «Я» ответило: ПОКА что нет.

В столовой, где еще оставался тающий кусочек моего сознания, Дейзи объясняла, что проект нужно посвятить не людям по имени Майкл, а заключенным, которых позже оправдали.

- Так проще, - пояснила она, - потому что у них всех есть снимки с одного ракурса, и это будет проект не просто об одинаковых именах, а еще о расе, социальном статусе и массовых арестах.

- Да ты же гений, Дейзи! - ответил Майкл.

- А что тебя удивляет?

Тем временем я думала о том, что, если половина твоих клеток - не ты, разве это не ставит под вопрос само понятие «тебя» в единственном числе, не говоря уже об авторстве собственной судьбы? Я довольно долго падала в эту рекурсивную кротовую нору, пока она не перенесла меня из школы «Уайт-Ривер» в совершенно иное место за пределами ощущений, куда попадают лишь по-настоящему чокнутые люди.

У меня с детства привычка вдавливать ноготь большого пальца правой руки в подушечку среднего - вот откуда на нем такая странная болячка. В ней теперь легко появляется трещина, и я ношу пластырь, чтобы не попала инфекция. Однако иногда мне кажется, что инфекция уже там, ее нужно удалить, а значит - выдавить кровь. Стоит представить, как я вскрываю рану, и я уже не могу не сделать этого. Простите за двойное «не», просто и сама ситуация - двойное «не» в действии. Как западня, из которой один только выход - отрицать отрицание. Так или иначе, я захотела почувствовать, как ноготь вонзается в кожу, и знала, что сопротивление бесполезно. Под столом я отлепила пластырь и ковыряла болячку, пока она не треснула.

- Холмси, - сказала моя подруга, и я подняла взгляд. - Уже конец обеда, а ты так ничего и не заметила.

Она тряхнула шевелюрой, в которой горели ярко-ярко-розовые пряди. Точно, она же покрасила волосы!

Я вынырнула из глубин и ответила:

– Дерзко.

– Знаю. Это мое послание: леди и джентльмены, а также те, кто не относит себя ни к тем, ни к другим! Дейзи Рамирес сдержит свое слово, но разобьет ваше сердце.

Такой вот девиз – «Держи слово, разбивай сердца» – она себе придумала и постоянно угрожала сделать на лодыжке татуировку с ним, когда ей исполнится восемнадцать. Дейзи вернулась к Майклу, а я – к своим мыслям. Живот, кажется, стал урчать еще громче. Меня затошнило. Учитывая, как мне противны физиологические жидкости, со мной такое происходит слишком уж часто.

– Холмси, все в порядке? – спросила Дейзи.

Я кивнула. Иногда я задавалась вопросом: почему она меня любит или вообще терпит? Как со мной мирятся остальные? Я даже саму себя раздражала.

По лбу покатился пот, а если уж я начну потеть, то надолго. Я потею часами. Намокают не только лоб и подмышки. Потеет шея. Потеет грудь. Потеют икры. Может, у меня и в самом деле жар?

Под столом я сунула в карман старый пластырь, достала новый и наклеила его на палец. Я стала вдыхать через нос и медленно выдыхать ртом, как учила доктор Карен Сингх: «Представь, что дышишь на свечу, Аза. Пламя подрагивает, но горит. Горит всегда». Я старалась, однако спираль моих мыслей, несмотря ни на что, продолжала сжиматься. Я прямо-таки слышала, как доктор Сингх запрещает мне братья за телефон и читать одно и то же, но я все равно вытаскала его и снова уткнулась в статью о микрофлоре.

Спираль такая штука – если двигаться по ней внутрь, она никогда не кончится. Будет сжиматься бесконечно.

Я положила остатки сэндвича в пластиковый пакет на молнии, встала и бросила его в переполненную мусорку. За спиной послышался голос Дейзи.

– Мне сильно волноваться, что ты за день всего два слова произнесла?

- Спираль, - пробормотала я в ответ.

Она понимает - мы дружим с шести лет.

- Ясно. Прости. Давай сегодня зависнем?

Одна девчонка, Молли, подошла к нам, улыбаясь, и сказала:

- Дейзи, к твоему сведению, эта ядовитая газировка тебе рубашку покрасила.

Моя подруга оглядела себя: и в самом деле, на полосатой ткани появились розовые пятна. Дейзи поморщилась, но тут же распрямила спину.

- Так и задумано, Молли. В Париже сейчас все так ходят. - Потом она повернулась ко мне: - Ну вот. Поехали к тебе, будем смотреть «Повстанцев».

Дейзи увлекалась «Звездными войнами». Ее интересовало все: фильмы, книги, анимационные сериалы, детская передача, где герои сделаны из «Лего». Она даже написала рассказ о любовной жизни Чубакки.

- Будем тебя веселить, пока не скажешь три, а то и четыре слова подряд. Как тебе предложение?

- Неплохо.

- А потом отвезешь меня на работу. Извини, сегодня я без машины.

- Ладно.

Я хотела добавить что-нибудь еще, однако непрошенные, нежеланные мысли продолжали лезть в голову. Будь я автором, перестала бы думать о своей микрофлоре. Сказала бы Дейзи, как мне понравилась ее идея насчет арт-проекта и что я действительно не забыла Дэвиса Пикета. Помню, как в одиннадцать лет меня мучил смутный, но постоянный страх. Как однажды в лагере мы с Дэвисом лежали на краю пристани на грубо отесанных досках и болтали ногами, глядя в безоблачное летнее небо. Мы почти не разговаривали и редко смотрели друг на

друга, но это была ерунда, потому что мы оба видели одно и то же небо, а тут, наверное, больше интимности, чем в обмене взглядами. Смотреть на тебя может любой. Но очень редко встречаешь человека, который видит тот же мир, что и ты.

Глава 2

Страх почти вышел из меня вместе с потом, но по дороге на урок истории я не удержалась, достала телефон и снова принялась изучать ужасы о микрофлоре человека. Я читала на ходу, и тут из кабинета меня окликнула мама. Она сидела за металлическим столом, склонившись над книгой. Мама преподавала математику, но ее страстью была литература.

– Никаких телефонов в коридоре, Аза!

Я спрятала мобильник и зашла в класс. До урока оставалось четыре минуты, для разговора с мамой – самое то. Она, должно быть, заметила что-то в моих глазах.

– Как себя чувствуешь?

– Нормально.

– Ты же не волнуешься?

Доктор Сингх запретила спрашивать, волнуюсь ли я, и мама старалась не задавать прямых вопросов.

– Все хорошо.

– Ты ведь принимаешь лекарство.

Утверждение вместо прямого вопроса.

– Да, – ответила я и, по большому счету, не соврала.

В девятом классе у меня был нервный срыв, и мне прописали круглые белые таблетки, по одной в день. Я пила их в среднем раза три в неделю.

- Ты вся...

Мокрая. Вот что она хотела сказать.

- А кто решает, когда зазвонит звонок? - спросила я.

- Знаешь, даже понятия не имею. Наверное, кто-то из администраторов.

- Интересно, почему большая перемена длится тридцать семь минут, а не пятьдесят? Или не двадцать две? Или сколько бы там ни было?

- Я смотрю, голова у тебя работает вовсю.

- Просто странно. Решает кто-то, кого я не знаю, а я должна жить по его правилам. По чужому расписанию. А ведь я этого человека даже не видела.

- Да. С такой точки зрения, как и с многих других, американские школы похожи на тюрьмы.

Я широко раскрыла глаза.

- Боже, мама, как ты права! Металлодетекторы, серые стены.

- И точно так же переполнены, и недостаточно финансируются, - добавила она. - И тут, и там все делаешь по звонку.

- Не можешь сам решить, когда тебе обедать, - продолжила я. - И в тюрьмах есть властные, продажные охранники, совсем как учителя в школе.

Она быстро взглянула на меня, но тут же рассмеялась.

- Ты сразу домой после уроков?

– Да. А потом отвезу Дейзи на работу.

Мама кивнула.

– Иногда мне так хочется, чтобы ты снова стала маленькой, но потом я вспоминаю о пиццерии «Чак-и-Чиз».

– Она просто копит деньги на колледж.

Мама бросила взгляд на свою книгу.

– А вот если бы мы жили в Европе, за учебу не пришлось бы много платить. – Я приготовилась выслушать монолог о ценах на образование. – В Бразилии, в большинстве стран Европы, в Китае есть бесплатные университеты. А здесь они хотят двадцать пять тысяч в год, и это за обучение в родном штате. Я только выплатила кредиты, а скоро брать новые для тебя.

– Но я же только в одиннадцатом классе. У меня полно времени, могу выиграть в лотерею. А если не получится, буду продавать наркотики.

Мама грустно улыбнулась. Ее очень тревожило, где взять деньги на учебу.

– С тобой точно все в порядке? – спросила она.

Я кивнула, и тут раздался сигнал, приказывающий отправиться на историю.

Уроки закончились. Когда я подошла к машине, моя подруга уже сидела внутри. Испачканную рубашку она успела сменить на красную тенниску с логотипом «Чак-и-Чиз» и теперь пила школьное молоко, поставив рюкзак на колени. Ключ от Гарольда я доверяла только Дейзи, даже у мамы не было своего.

– Пожалуйста, не пей в машине непрозрачные жидкости, – попросила я.

– Молоко прозрачное.

– Неправда, – ответила я, подъехала к главному входу и подождала, пока она выбросит коробку.

Возможно, вы кого-то любили. По-настоящему, как описывала моя бабушка, когда цитировала Первое послание к коринфянам апостола Павла – любовью, которая милосердна и терпелива, не завидует и не гордится, все покрывает, всему верит и все переносит. Я не разбрасываюсь этим словом – слишком редкое и дорогое чувство, чтобы обесценивать его частым упоминанием. Можно отлично жить, не зная, что такое истинная любовь, какой описали ее коринфянам, однако мне повезло – я нашла ее с Гарольдом.

Он был «Тойотой-Короллой» шестнадцати лет, а цвет его краски назывался «таинственная морская волна». Его двигатель стучал размеренно, словно чистое металлическое сердце. Раньше на этой машине ездил папа – он-то и выбрал для нее такое имя. Мама решила не продавать Гарольда, и он стоял в гараже восемь лет, пока мне не исполнилось шестнадцать.

Чтобы двигатель после стольких лет заработал, мне пришлось отдать четыреста долларов, то есть все свои сбережения – и карманные, и сдачу, которую удавалось утаить, когда мама посылала в магазин, и плату за летнюю подработку в закусочной, и деньги, подаренные бабушкой и дедом на Рождество. Так что, в каком-то смысле, Гарольд был кульминацией моего существа – по крайней мере, с точки зрения финансов. Я его любила. Я мечтала о нем довольно долго. У него имелся исключительно вместительный багажник, огромный белый руль, сделанный на заказ, и заднее сиденье из бежевой, точно светлая галька, кожи. Он ускорялся плавно и невозмутимо, как буддийский мастер, знающий, что спешить никогда не стоит, а его тормоза повизгивали металлической музыкой. И я любила его.

Однако у Гарольда не было ни совместимости с «блютус», ни даже плеера для компакт-дисков. А это значило, что в его обществе у меня есть три варианта: ехать в тишине, слушать радио или вторую сторону отличного альбома Мисси Эллиот «So Addictive», хоть я и слышала его уже сто раз, потому что не могла вытащить кассету из магнитолы.

В итоге несовершенство аудиосистемы Гарольда стало последней нотой в мелодии совпадений, изменивших мою жизнь.

Мы с Дейзи переключали радиостанции в поисках песни одного прекрасного и не оцененного по достоинству бой-бенда, и вдруг наткнулись на выпуск новостей.

– Строительная фирма «Пикет инжиниринг», чей штат насчитывает более десяти тысяч работников по всему миру, сегодня...

Я хотела нажать на кнопку, но Дейзи оттолкнула мою руку.

– Вот о чем я тебе говорила!

Голос продолжал:

– ...Сто тысяч долларов за информацию о местонахождении директора компании, Рассела Пикета, обвиняемого в мошенничестве и подкупе. Пикет исчез в ночь накануне ареста. Последний раз его видели восьмого сентября в его поместье на берегу реки. Если вы располагаете сведениями о том, где может находиться этот человек, просим сообщить в департамент полиции Индианаполиса.

– Сто тысяч! – воскликнула Дейзи. – А ты знаешь его сына.

– Знала, – поправила я.

Два лета, после пятого и шестого класса, мы с Дэвисом ездили вместе в «Грустный лагерь», как мы называли лагерь «Надежда» в округе Браун. Он для детей, у которых умерли родители.

Кроме лагеря, мы еще виделись в течение учебного года, потому что Дэвис жил совсем рядом, только на другом берегу. Нашу с мамой сторону иногда затапливало, а на его стороне из валунов построили стену, и когда река поднималась, вода шла к нам.

– Он меня, наверное, и не помнит.

– Тебя все помнят, Холмси.

- Не...

- Это не оценочное суждение. Я не говорю, что ты хорошая, или щедрая, или добрая, или какая-то еще. Я просто говорю, что ты запоминаешься.

- Я давно его не встречала.

Но кто же забудет праздники в поместье с полем для гольфа и бассейном, в котором есть остров и водяные горки? Дэвис был для меня почти как кинозвезда.

- Сто тысяч долларов, - повторила Дейзи.

Мы свернули на окружную дорогу.

- Я чиню игровые автоматы за восемь сорок в час, а тут ожидает сотня тысяч!

- Я бы не сказала, что ожидает. Кроме того, мне вечером нужно прочитать, как переносило оспу туземное население, так что дело о пропавшем миллиардере распутать не получится.

Я сбросила скорость до той, что была указана на знаке. Никогда не водила Гарольда быстрее положенного, я очень его берегла.

- Словом, ты знаешь Дэвиса лучше, чем я, поэтому, как поют мальчишки из лучшей группы на свете, ты и есть - та самая.

Песенка была для детского сада, однако я все равно ее любила.

- Хочется с тобой поспорить, но уж очень песня хорошая.

- Ты. Та. Самая. И тебя выбрал я. Ты навеки моя, не могу потерять тебя. Ты для меня, как воздух. Твои глаза - в небе звезды.

Мы посмеялись. Я переключила радиостанцию и подумала, что на этом разговор окончен, однако Дейзи вытащила телефон и начала вслух читать статью из

газеты «Звезда Индианаполиса».

– Утром в пятницу, когда полиция приехала с ордером, скандально известного директора компании не оказалось дома, и с тех пор его никто не видел. Адвокат Саймон Моррис утверждает, что ему ничего не известно о местонахождении клиента. На сегодняшней пресс-конференции детектив Дуайт Аллен заявил, что в эти дни с кредитными картами и счетами Пикета не осуществлялось никаких операций. Бла-бла-бла... Кроме того, по словам детектива, на территории поместья не установлены средства видеонаблюдения, если не считать камеры на воротах. В копии полицейского рапорта, которую удалось получить нашему сотруднику, говорится, что последними Пикета видели вечером в четверг его сыновья, Дэвис и Ноа. Бла-бла-бла... Дом находится к северу от Тридцать восьмой улицы, множество исков, помогал зоопарку, бла-бла-бла... Если вам что-то известно, позвоните в полицию, бла-бла... Стой, как это нет камер? Какой миллиардер будет жить без них?

– Тот, который скрывает свои темные делишки.

Я прокручивала в голове эту историю. Чего-то здесь не хватало, но я не понимала – чего, пока вдруг не вспомнила о жутких зеленых койотах с горящими белыми глазами.

– Стоп! Там была одна камера, только не обычная. Дэвис и Ноа повесили ее у реки, в лесу. Она снимает в темноте и включается, если кто-то проходит мимо – всякие олени, койоты.

– Холмси, – сказала подруга. – Мы напали на след.

– А если камера есть на воротах, он не мог проехать мимо нее незамеченным, – продолжила я. – Значит, либо перелез через забор, либо отправился к реке и уплыл. Верно?

– Да.

– И он мог пройти мимо той, ночной, камеры. Правда, я там не была четыре года. Может, ее убрали.

- А может, и нет!

- Да. Может, и нет.

- Сверни тут, - вдруг сказала Дейзи.

Я так и сделала. Нам было в другую сторону, но я, уже без подсказки Дейзи, выбрала дорогу, ведущую обратно в город - к моему дому и поместью Дэвиса.

Подруга достала телефон.

- Привет, Эрик! Слушай, я очень извиняюсь, но что-то у меня живот разболелся. Наверное, желудочный грипп.

- ...

- Да, без проблем. Извини еще раз.

Она спрятала телефон в рюкзак.

- Стоит лишь намекнуть на диарею, и тебе скажут оставаться дома. Они панически боятся эпидемии. Ладно, пора заняться делом. У тебя еще осталось то каноэ?

Глава 3

Когда-то давно мы с мамой ходили на каноэ вниз по Уайт-Ривер, мимо поместья Пикетов, до парка за музеем искусств. Там мы недолго гуляли, а потом, преодолевая ленивое течение, возвращались домой. Однако я уже много лет не садилась в лодку. Теоретически Уайт-Ривер прекрасна - голубые цапли, гуси, олени и все такое, но вода в ней пахнет, как нечистоты. И вообще-то, не «как нечистоты», а нечистотами, потому что после дождя канализация переполняется и все отходы Центральной Индианы попадают прямо в реку.

Мы подъехали к моему дому. Я вылезла из машины, просунула пальцы под дверь гаража, подняла ее, снова села в машину и припарковалась. А Дейзи все повторяла, что мы скоро разбогатеет.

Открывая дверь гаража, я немного вспотела, поэтому сразу отправилась в свою комнату и включила кондиционер. Села на кровать, скрестив ноги, и подставила спину холодному воздуху. Вокруг царил хаос: повсюду грязная одежда, на столе – ворох бумаг: упражнения, старые тесты, рекламные буклеты колледжей, которые приносила домой мама. Листки валялись даже на полу.

Дейзи остановилась на пороге.

– Можно мне во что-нибудь переодеться? Футболка «Чак-и-Чиз» и рубашка в пятнах не очень подходят для встречи с миллиардером, а ничего другого у меня с собой нет.

Моя подруга примерно одного роста с мамой, и мы совершили набег на гардеробную. Пока выбирали сочетание топа и джинсов, которое не было бы в духе моей мамы, Дейзи продолжала свой монолог. Поболтать она любила.

– У меня есть теория насчет формы. Ее специально делают такой, чтобы ты в ней, типа, переставала быть кем-то. Ты больше не Дейзи Рамирес, личность, а такое существо, которое приносит людям пиццу и раздает пластиковых динозавров в обмен на билетки. Форма сделана, чтобы меня спрятать.

– Да, – согласилась я.

– Вот так нас угнетает проклятая система, – пробурчала Дейзи и вытянула угрожающе фиолетовую блузку. – Твоя мама одевается, как учитель математики!

– Она и есть учитель математики.

– Не оправдание.

– А может, наденешь это?

Я показала ей черное платье длиной чуть ниже колена с орнаментом из розовых листочков. Просто ужасное.

- Думаю, сойдет и форма, - сказала Дейзи.

- Хорошо.

К дому подъехала машина. Я знала, что мама не будет ругать нас за то, что рылись в ее вещах, и все же занервничала. Дейзи заметила и взяла меня за руку. Мама еще не успела войти, а мы уже выскользнули на задний двор и скрылись за кустами жимолости.

Оказалось, каноэ у нас по-прежнему есть - оно лежало вверх дном, а внутри было полнодохлых пауков. Дейзи выдрала из зарослей плюща весла и выцветшие оранжевые жилеты, смахнула рукой грязь с каноэ и потащила его к воде. Моя невысокая, щуплая на вид подруга обладала просто невероятной силой.

- Уайт-Ривер очень грязная, - сказала я.

- Холмси, ты ведешь себя нелогично. Помоги.

Я подняла другой конец лодки.

- В реке пятьдесят процентов мочи. И это - ее лучшая половина.

- Ты - та самая, - снова пропела Дейзи и втощила каноэ в воду.

Спрыгнула на илистую кочку, обернула вокруг шеи спасательный жилетик, который был ей слишком мал, и устроилась на носу.

Я села сзади, оттолкнулась веслом от берега. Давно уже не управляла каноэ, но Уайт-Ривер такая мелкая и широкая, что особенно стараться не нужно. Дейзи посмотрела на меня с улыбкой, и я будто снова стала маленькой.

В детстве мы с ней любили играть в «детей реки» - представляли, что живем одни, добываем себе пропитание и прячемся от взрослых, которые хотят

отправить нас в приют. Помню, как Дейзи швыряла в меня пауков-долгоножек, потому что знала, что я их терпеть не могу, и я с визгом убегала, размахивая руками. На самом деле я не боялась – тогда все эмоции были игрой, словно бы я не переживала чувства, а проводила с ними опыты. Настоящий ужас – это не когда тебе страшно, а когда у тебя нет выбора.

– Знаешь, что наш город существует только благодаря Уайт-Ривер? – сказала Дейзи, обернувшись ко мне. – Когда Индиана стала штатом, люди начали спорить, где будет столица. Ясное дело, основать ее нужно где-то посередине. И вот эти ребята смотрят на карту и видят, что прямо по центру есть река, и они такие – бах! – вот же отличное место для столицы, потому что идет тысяча восемьсот девятнадцатый год и серьезному городу необходима вода для судоходства и всего прочего.

Значит, они объявляют: мы построим новый город! На реке! И назовем его по-умному – Индиана-полис! И только потом они замечают, что Уайт-Ривер глубиной по щиколотку и здесь даже на каяке не проплывешь, не то что на пароходе. Некоторое время Индианаполис считался крупнейшим в мире городом на несудоходной реке.

– Откуда ты это знаешь? – спросила я.

– Папа историей увлекается. – И тут у нее зазвонил телефон. – Ну вот, я его призвала! – Она взяла трубку. – Привет, папочка... Угу, да, конечно... Нет, он не против... Отлично, вернусь к шести.

Дейзи спрятала телефон в карман и повернулась ко мне, щуря глаза от солнца.

– Он спросил, могу ли я посидеть с Еленой, потому что мама задержится. И не пришлось врать, почему я не на работе. И отец теперь думает, что я забочусь о сестричке. Холмси, все просто отлично выходит. Наша судьба проясняется. Скоро попадем в американскую мечту, то есть наживемся на чужом несчастье.

Вокруг было так тихо, что мой смех получился оглушительным. С поваленного дерева шлепнулась в воду испуганная черепаха. Здесь их полно.

Река повернула, мы проплыли мимо островка, образованного миллионами белых голышей. Там, на старой выцветшей шине, стояла голубая цапля. Она увидела

нас, расправила крылья и взлетела, напоминая больше птеродактиля, чем птицу. Между островком и восточным берегом шел узкий канал, и мы плыли под сикоморами, которые вытянулись над водой, стараясь получить больше солнечного света.

Листья были еще зелеными, лишь кое-где в них появились розовые штрихи – первые намеки на осень. Нам попалось мертвое дерево, и я посмотрела вверх, на голые ветви, что пересекались, разделяя безоблачное небо на множество голубых многоугольников.

В багажнике Гарольда, рядом с запасным колесом, я до сих пор храню папин телефон. В нем остались тонны фотографий с такими же ветками без листьев. Мне всегда хотелось понять, что он видел в этом – разбитом на фрагменты – небе.

Так или иначе, день был отличный – солнце заливало нас теплыми лучами. Я больше люблю сидеть дома и мало когда могу оценить погоду, но в Индианаполисе за год выпадает всего десяток по-настоящему красивых дней. Вот таких, как этот. Река поворачивала на запад, и мне почти не приходилось работать веслом. Вода искрилась на солнце. Мы спугнули пару каролинских уток, и они поднялись в воздух, отчаянно хлопая крыльями.

Наконец мы достигли кусочка суши, который в детстве называли Пиратским островом. В отличие от пляжа с галькой, он был настоящим. Его заполонила жимолость, из которой поднимались высокие деревья с кривыми стволами – после весенних паводков они все покрылись наростами. В реку попадает много сельскохозяйственных стоков, и поэтому всюду росли помидоры и соя, хорошо удобренные канализационными отходами.

Я направила каноэ к зеленому от ряски берегу, мы вылезли и отправились погулять. Над рекой витало что-то такое, отчего мы с Дейзи притихли и почти забыли друг о друге – даже бродить пошли в разных направлениях.

Здесь я отмечала свой одиннадцатый день рождения. Мы с мамой сделали карту сокровищ. Сначала съели дома торт, а потом вместе с Дейзи сели в каноэ и отправились на Пиратский остров. Под деревом мы откопали сундучок, полный шоколадных монет, обернутых в золотую фольгу. На острове нас встретили Дэвис и его брат, Ноа. Помню, как моя лопата ударилась о пластиковую крышку

сундука и я обрадовалась, точно мы нашли настоящее сокровище, хотя знала, что это не так. Я отлично умела быть ребенком, но совсем не справлялась с ролью того, кем стала сейчас.

Я шла вдоль берега, пока не увидела Дейзи – она сидела на стволе дерева, принесенного паводком. Я уселась рядом и стала смотреть, как у нас под ногами, в маленьком пруду, ползают раки. Прудик почти высох – лето выдалось необычно сухое и жаркое.

– Помнишь, мы здесь отмечали твой день рождения? – спросила Дейзи.

– Да.

Дэвис тогда потерял фигурку Железного человека, которую всегда носил с собой. Он не расставался с ней так долго, что все наклеенные детали стерлись, осталось только красное туловище с желтыми руками и ногами. Дэвис очень перепугался, потеряв игрушку, но моя мама ее нашла.

– Все нормально, Холмси?

– Да.

– Можешь сказать что-нибудь, кроме «да»?

– Да, – ответила я и улыбнулась.

Мы посидели еще немного и пошли к реке прямо через пруд. Я почему-то не беспокоилась, что шлепаю по грязи, хотя совсем недавно с ума сходила из-за урчания в желудке. Вот загадка!

Стена для защиты от паводка состояла из валунов, скрепленных проволочной сеткой. Я влезла по ней наверх и протянула руку Дейзи. Мы вскарабкались на берег и вошли в рощу, где росли сикоморы и клены. За деревьями виднелось аккуратно подстриженное поле для гольфа, а дальше – особняк из стекла и стали, созданный каким-то знаменитым архитектором.

Чтобы сориентироваться, мы немного походили по лесу.

- Холмси! - вдруг позвала подруга.

Я подбежала к ней. Дейзи обнаружила камеру - на дереве, футах[1 - 4 фута равны 1,22 метра. - Примеч. ред.] в четырех над землей. Черный кружок, примерно дюйм[2 - 1 дюйм равен 2,54 сантиметра. - Примеч. ред.] в диаметре. Такую штуку ни за что не заметишь, если не задался целью ее найти.

Пароля на камере не оказалось, я подключила телефон и стала загружать фотографии. Первые две удалила - на них были мы с Дейзи, потом смахнула еще десяток - с оленями, енотами, опоссумами, приходившими днем или ночью, когда темнота превращала их в зеленые силуэты с белыми огоньками глаз.

- Не хочу тебя пугать, но в нашу сторону едет гольфкар, - тихо предупредила Дейзи.

Машина еще далеко. Я добралась до фотографий, сделанных девятого сентября, и да, там нашелся снимок, на котором можно было различить спину коренастого мужчины в полосатой пижамной рубашке. Время - 01:01:03. Я сделала копию.

- Нас точно заметили, - нервничала Дейзи.

- Сейчас, - ответила я, бросив взгляд на машину.

Хотелось увидеть предыдущую фотографию, но она никак не могла загрузиться. Дейзи пустилась наутек. Странно, что из нас двоих спокойствие сохранила именно я. Впрочем, меня не пугают люди в гольфкарах, фильмы ужасов или американские горки. Не знаю, чего именно я боюсь, но только не этого. Фотография медленно заполнила экран. Койот. Я подняла взгляд. Мужчина, сидевший в машине, смотрел прямо на меня, и я стрелой полетела прочь.

Я добежала до реки, петляя между стволами, и перелезла через стену. Дейзи стояла над перевернутым каноэ, вооружившись огромным камнем.

- Ты чего? - спросила я.

- Тот парень тебя видел. Вот я и делаю тебе предлог.

- Какой предлог?

- Только одно спасет нас, Холмси: ты должна прикинуться девой в беде, - сказала она и обрушила камень на лодку.

Зеленая краска треснула, под ней показался пластик. Дейзи перевернула каноэ, и оно тут же наполнилось водой.

- Отлично. Я спрячусь, а ты поговоришь с ним.

- Ни за что!

- У девы в беде не бывает спутников.

- Ни. За. Что.

И тут со стены послышался голос.

- У вас там все в порядке?

Я подняла голову и увидела худого пожилого мужчину с глубокими морщинами на лице. В черном костюме и белой рубашке.

- Каноэ разбилось, - объяснила Дейзи. - Вообще-то мы подруги Дэвиса Пикета. Он разве не тут живет?

- Меня зовут Лайл, - представился мужчина. - Я охранник. Могу вас подвезти.

Глава 4

Лайл усадил нас в гольфкар и повез по асфальтовой дорожке вдоль поля, на краю которого стоял большой дом из бревен с деревянной вывеской «КОТТЕДЖ».

Я не бывала у Пикетов много лет и уже забыла все это великолепиие. Песчаные «ловушки» на поле недавно разровняли граблями, на дороге не попадалось ни трещин, ни выбоин, а вдоль нее посадили клены. Однако больше всего мой взгляд притягивали бесконечные ромбы подстриженной травы. Поместье было стерильным, огромным и тихим, как новенький квартал, ожидающий первых жильцов. Мне здесь очень нравилось.

Пока ехали, моя подруга завела недвусмысленный разговор.

– Так значит, вы начальник охраны?

– Охранник.

– Давно здесь?

– Порядочно. И поэтому знаю, что вы не дружите с Дэвисом.

Дейзи, которой было чуждо смущение, и глазом не моргнула.

– Его знает Холмси. А вы работали в день, когда исчез мистер Пикет?

– Он не любит, если кто-то из служащих остается до утра.

– А сколько у вас сотрудников?

Лайл остановил машину.

– Надеюсь, вы и правда знакомы с Дэвисом, иначе я отвезу вас в город и сдам в полицию за вторжение на частную территорию.

Мы свернули за угол, и я увидела бассейн – голубую ширь и знакомый с детства островок. Правда, сейчас над ним построили стеклянный купол. Водяные горки –

извилистые, переплетенные трубы – тоже остались на месте, но теперь они были сухими.

Рядом, на террасе, стояли кресла, укрытые белыми полотенцами. Мы обогнули бассейн и доехали до другой террасы, где лежал в шезлонге Дэвис Пикет в школьной рубашке-поло и шортах цвета хаки. Он читал книгу, заслоняясь ей от солнца.

Дэвис услышал шум мотора и привстал. У него были худые обгоревшие ноги, острые колени. На носу – очки в пластиковой оправе, на голове – кепка с логотипом бейсбольной команды «Индиана пейсерз».

– Аза Холмс? – спросил он, поднимаясь нам навстречу.

Солнце слепило мне глаза, и разглядеть лицо Дэвиса не получалось. Я вылезла из машины, подошла и сказала:

– Здравствуй.

Я не понимала, нужно ли его обнимать. Дэвис, видимо, тоже не знал, надо ли обнимать меня, поэтому мы просто стояли друг напротив друга, а это, если честно, моя любимая форма приветствия.

– Чему обязан удовольствием? – спросил он без всяких эмоций в голосе.

Дейзи подошла и энергично пожала ему руку.

– Дейзи Рамирес, лучшая подруга Холмси. У нас тут каноэ треснуло.

– Налетели на камень. Пришлось высадиться на Пиратский остров, – сказала я.

– Знаете этих девушек? – уточнил охранник.

– Да, все в порядке, спасибо. Хотите что-нибудь выпить? Воды или «Доктора Пеппера»?

– «Доктор Пеппер»? – смутилась я.

– Кажется, это твоя любимая газировка.

Я поморгала и кивнула:

– Да.

– Можно нам три банки «Пеппера», Лайл?

– Конечно, босс, – ответил мужчина и уехал.

Дейзи пошла пройтись, бросив на меня взгляд, говоривший: Вот видишь, он тебя помнит. Дэвис, по-моему, ничего не заметил. Он поглядывал на меня с какой-то милой застенчивостью. Сквозь стекла очков его карие глаза казались просто огромными. И глаза, и нос, и рот были ему великоваты, словно выросли, а само лицо еще оставалось детским.

– Не знаю, что и сказать, – начал он. – Не силен в светских беседах.

– Попробуй говорить, что думаешь. Лично я так никогда не поступаю.

Он улыбнулся, пожал плечами.

– Ладно. Я думаю: хоть бы она приехала не из-за награды.

– Какой награды? – неубедительно удивилась я.

Мы сели в кресла друг напротив друга. Дэвис наклонился вперед, поставив острые локти на острые коленки.

– Я думал о тебе пару недель назад, когда отец исчез. Про него говорили в новостях и называли полное имя – Рассел Дэвис Пикет. Нас ведь зовут одинаково, и так странно, когда слышишь, что Рассел Дэвис Пикет пропал. Я же здесь!

- И поэтому ты подумал обо мне?

- Да. Я однажды спросил, почему тебе дали такое имя, и ты сказала, что его выбрала мама. Она хотела, чтобы его звучание стало только твоим.

- Вообще-то, меня назвал папа.

Я помнила его слова: В твоём имени – весь алфавит, от А до Z, чтобы ты знала: ты можешь стать кем захочешь.

- А твой отец... - начала я.

- Правильно, определил меня на должность младшего.

- Но ты – не имя.

- Конечно же, да. Я не могу не быть Дэвисом Пикетом. Не могу не быть сыном своего отца.

- Наверное.

- И я не могу не быть сиротой.

- Извини.

Он посмотрел на меня усталыми глазами.

- В последние дни мне все звонят и пишут. Я не дурак и понимаю, зачем. Но я не знаю, где отец.

- На самом деле... - сказала я, и тут на нас упала тень.

Я обернулась: за спинкой моего кресла стояла Дейзи.

- На самом деле, - продолжила она, - мы услышали по радио новости, и Холмси сказала, что в детстве была в тебя влюблена.

- Дейзи! – возмутилась я.

- И я, такая, говорю, поехали к нему, это точно настоящая любовь. И мы договорились устроить кораблекрушение, а потом ты вспомнил, что она любит «Доктор Пеппер», и да, ЭТО НАСТОЯЩАЯ ЛЮБОВЬ. Как в шекспировской «Буре». В общем, я вас покину. Можете жить долго и счастливо.

Тень Дейзи ушла, и ее сменил золотистый солнечный свет.

- Это что, правда? – спросил меня Дэвис.

- Ну, не прям как у Шекспира. – Однако я так и не нашла в себе мужества признаться. Но, в любом случае, не соврала. Почти. – Мы же были еще детьми, – добавила я.

Он помолчал.

- Ты очень изменилась с тех пор.

- Как?

- Была такой маленькой худющей молнией, а сейчас...

- Что?

- Ты другая. Взрослая.

Желудок отчего-то заурчал. Никогда не понимала, что чувствует мое тело – страх или радость?

Дэвис смотрел мимо меня, на полосу деревьев у реки.

- Мне очень жаль, что так вышло с твоим отцом, – сказала я.

Он пожал плечами.

- Мой папа большой засранец. Сбежал накануне ареста, потому что он - трус.

Я не находила слов. Если послушать, что люди говорят об отцах, можно чуть ли не радоваться, что у тебя его нет.

- Я правда не знаю, где он, Аза. А те, кто знает, ничего не скажут, потому что он может дать им гораздо больше сотни. Что такое сто тысяч? Ерунда. - Я удивленно смотрела на него. - Прости... Наверное, так нельзя говорить.

- Наверное?

- Ну да. В общем, ему ничего за это не будет. Он всегда выходит сухим из воды.

Я хотела ответить, но тут вернулась моя подруга. С ней пришел какой-то парень - высокий, широкоплечий, в рубашке цвета хаки и таких же шортах.

- Мы идем смотреть на туатару, - похвалилась Дейзи.

Дэвис встал.

- Малик Мур, наш зоолог.

Он сказал «наш зоолог» так, будто это в порядке вещей, и все, достигнув определенного положения, приобретают себе зоолога.

Я поднялась и пожала руку Малика.

- Я ухаживаю за туатарой, - сообщил он.

Все, похоже, решили, что я прекрасно знаю такого зверя. Малик встал на колени у бассейна, открыл люк, замаскированный плиткой, и нажал на кнопку. Из бортика выполз хромированный решетчатый мост и протянулся к островку.

- Это все по правде? - прошептала Дейзи, вцепившись в мой локоть.

Зоолог театрально повел рукой, приглашая нас идти первыми.

Мы подошли к двери стеклянного купола. Малик провел пластиковой карточкой по замку, тот со щелчком открылся. Я шагнула внутрь и оказалась в тропиках: тут было градусов на двадцать теплее, чем снаружи, и намного больше влаги в воздухе.

Мы с Дейзи остались у входа, а Малик, пробежавшись по островку, вернулся с большой ящерицей, длиной фута два и высотой – три. Ее драконий хвост обвился вокруг его руки.

– Можете погладить.

Дейзи так и сделала, но я заметила на коже зоолога царапины, говорившие о том, что ласка может и не понравиться рептилии. Поэтому, когда Малик повернулся ко мне, я сказала:

– Не люблю ящериц.

Потом зоолог в мучительных подробностях объяснил, что Туа (да, у нее оказалось имя) – не ящерица, а совсем другое с генетической точки зрения существо. Появилось оно двести миллионов лет назад, в Мезозойскую эру, так что это – практически живой динозавр. Я узнала, что туатары могут жить сто пятьдесят лет и дольше, что они – единственный выживший вид из отряда клювоголовых. На родине, в Новой Зеландии, они находятся под угрозой вымирания, а Малик написал докторскую по их молекулярной эволюции. Он говорил и говорил, пока не явился Лайл.

– «Доктор Пеппер», босс.

Я взяла баночки и вручила по одной Дэвису и Дейзи.

– Точно не хочешь ее потрогать? – спросил Малик.

– Динозавров тоже боюсь, – ответила я.

– У Холмси есть почти все основные фобии, – сообщила Дейзи, поглаживая туатару. – Ну, нам пора. Мне еще нужно посидеть с ребенком.

– Я вас отвезу, – предложил Дэвис.

Ему понадобилось зайти домой. Я хотела подождать снаружи, но Дейзи подтолкнула меня с такой силой, что я едва не выбежала вперед.

Дэвис открыл входную дверь – огромное стекло высотой не меньше десяти футов, и мы вошли в просторный зал с мраморным полом. Слева стоял диван, на нем устроился Ноа Пикет. Он играл в космическую битву на гигантском экране.

– Ноа, – сказал Дэвис, – помнишь Азу Холмс?

– Привет! – отозвался он, не отрываясь от игры.

Дэвис убежал наверх по мраморной лестнице, оставив меня наедине с братом. То есть я думала, что мы одни, пока не услышала женский голос:

– Это настоящий Пикассо.

В ослепительно-белой кухне стояла женщина, одетая с ног до головы в белое, и резала ягоды.

– Ого! – выдохнула я, проследив за ее взглядом.

Речь шла о картине, на которой человек из волнистых линий ехал верхом на такой же волнистой лошади.

– Будто в музее, – сказала женщина.

Я посмотрела на нее и вспомнила рассуждения Дейзи о рабочей форме.

– Очень красивый дом, – согласилась я.

– У них и Раушенберг есть. На втором этаже. – Я кивнула, хотя не имела понятия, кто это. Наверное, Майкл знал. – Если хочешь, поднимись.

Женщина махнула в сторону лестницы, и я пошла вверх. Там на стене висела картина, сделанная из переработанного мусора, но я не стала ее рассматривать и вместо этого заглянула в первую же открытую дверь. Комната, судя по всему, принадлежала Дэвису. Безупречно чистая – на ковре еще остались линии от пылесоса. Огромная кровать, на ней – множество подушек и синее одеяло. В углу, рядом с окнами во всю стену – телескоп, нацеленный в небо. Фотографии родных на столе – все старые, тех лет, когда он еще был ребенком. На стенах постеры в рамках – «Битлз», Телониус Монк, Отис Реддинг, Леонард Коэн, Билли Холидей. Книжный шкаф, заполненный книгами в переплетах, и целая полка с комиксами. А на столике у кровати, рядом со стопкой книг – Железный человек.

Я взяла его и повертела в руках. Пластик на одной ноге треснул, открыв пустоту внутри, но ручки и ножки еще поворачивались.

– Осторожнее, – сказал Дэвис. – Ты держишь единственный физический объект, который я люблю по-настоящему.

Я поставила фигурку на место и повернулась.

– Прости.

– Мы с Железным человеком вместе прошли через серьезные испытания.

– Должна тебе признаться: всегда думала, что Железный человек – неудачник.

Дэвис улыбнулся.

– Вместе было весело, Аза, однако нашей дружбе конец.

Я рассмеялась и пошла за ним на первый этаж.

– Роза, побудешь тут, пока я не вернусь? – спросил он женщину.

– Конечно, – отозвалась та. – Я тебе оставила в холодильнике курицу и салат на ужин.

– Спасибо. Ноа, дружище, я приеду через двадцать минут, идет?

- Идет, - ответил Ноа из открытого космоса.

Пока мы шли к «Кадиллаку-Эскалада», возле которого стояла Дейзи, я спросила:

- Это ваша домработница?

- Управляющая домом. Она здесь, сколько я себя помню. А теперь вроде как заменяет нам маму.

- Но она с вами не живет?

- Нет, уезжает в шесть, так что, все-таки, не совсем мама.

Дэвис разблокировал дверцы машины. Дейзи села назад, а меня отправила на место рядом с водителем.

Возле гольфкара стоял охранник. Он разговаривал с мужчиной, сгребавшим первые осенние листья, однако внимательно следил за нами.

- Я только отвезу их, - объяснил Дэвис.

- Будьте осторожны, босс.

- Все за мной наблюдают. Как достало! - сказал Дэвис, захлопнув дверцу.

- Сочувствую, - отозвалась я.

Он открыл рот, передумал, но потом все-таки продолжил:

- Вот знаешь, как в средней школе кажется, что на тебя все смотрят и тайно обсуждают? У меня сейчас такое же чувство, только люди на самом деле смотрят и шепчутся.

- Может, они думают, что ты знаешь, где твой отец, - вставила Дейзи.

- Но я не знаю. И знать не хочу.

Дэвис говорил твердо, с уверенностью.

- Почему? - поинтересовалась Дейзи.

В его глазах мелькнуло какое-то непонятное чувство.

- Если он не вернется, так будет лучше всего. Он все равно никогда о нас не заботился.

Наши дома разделяла только река, но мы ехали десять минут, потому что мост в округе всего один. Все молчали, лишь я иногда говорила, куда поворачивать. Наконец добрались. Я взяла у Дэвиса телефон и добавила в него свой номер. Дейзи вышла, не попрощавшись, и я хотела сделать то же самое, но когда возвращала смартфон, Дэвис вдруг взял мою руку и повернул ладонью вверх.

- А я помню, - сказал он, глядя на пластырь. Я вырвалась и сжала пальцы в кулак. - Больно?

Мне почему-то захотелось сказать ему правду.

- Больно или нет, не имеет значения.

- Хороший девиз.

Я улыбнулась.

- Ну, не знаю. Ладно, мне пора.

Я уже закрывала дверь, и тут он сказал:

- Рад тебя видеть, Аза.

– Да. И я тебя тоже.

Глава 5

Мы ехали к Дейзи в теплых объятиях Гарольда, и всю дорогу она без перерыва трещала о моей любви к Дэвису.

– Холмси, ты вся горишь. Прямо светишься. Ты сияешь.

– Неправда.

– Нет, правда.

– Если честно, я даже не знаю, симпатичный он или нет.

– Он средний, как большинство мальчишек. Достаточно красивый, такому я бы разрешила за мной побегать. С парнями вот какое дело: девяносто девять процентов из них – нормальные. Если их одеть и как следует вымыть, поставить ровно, заставить слушать и не быть ослами, получится вполне себе ничего.

– Я правда не хочу ни с кем встречаться.

Знаю, люди часто так говорят, а сами потихоньку надеются найти себе кого-то, но я действительно не хотела. Мне определенно нравились некоторые парни, как и сама мысль быть с кем-то, однако талантов, чтобы осуществить такое, я в себе не находила. Вот список того, что беспокоило меня в романтических отношениях. Во-первых, поцелуи. Во-вторых, необходимость говорить правильные слова, чтобы не задеть чувства партнера. В-третьих, возможность наговорить еще больше неправильных слов, пока стараешься извиниться. В-четвертых, совместные походы в кино и необходимость держаться за руки, даже когда у вас вспотели ладони и пот начинает смешиваться. В-пятых, та часть, когда тебя спрашивают: «О чем думаешь?» И хотят услышать: «О тебе, дорогой», а ты на самом деле думаешь, что коровы не выжили бы, если бы не бактерии в их кишечнике, а это значит, что коровы, как независимая форма жизни, не существуют. Однако сказать такое вслух нельзя, и тебе приходится

выбирать между враньем и риском показаться странной.

– А вот я хочу встречаться, – сказала Дейзи. – Я бы сама занялась богатеньким сиротой, только он глаз не сводил с тебя. И кстати, вот интересный момент: угадай, кто получит миллиарды, если Пикет-старший умрет?

– Дэвис и Ноа?

– Нет. Подумай еще.

– Зоолог?

– Нет.

– Сдаюсь.

– Шевели извилинами.

– Ладно. Ты.

– Увы, но нет, что очень несправедливо. Я миллиардер без миллиардов, Холмси. У меня душа владельца частного самолета, а в жизни я катаюсь на общественном транспорте. Это настоящая трагедия. В общем, не я. Не Дэвис. И не зоолог. А туатара!

– Погоди. Кто?

– Туа, черт ее возьми, тара. Малик сказал, что об этом давно все знают. Послушай! – Она взяла смартфон. – Статья в «Звезде Индианаполиса» за прошлый год. «Рассел Пикет, основатель компании “Пикет инжиниринг”, шокировал одетую в смокинги публику на вчерашнем вручении награды, учрежденной нашим зоопарком. Миллиардер объявил, что завещает состояние своей туатаре. Этих существ, чей возраст может превышать сто пятьдесят лет, Пикет назвал “волшебными”. Он признался, что обеспечил наилучшие условия для изучения и содержания своей туатары. “Исследование Туа и ее тайн, – заявил миллиардер, назвав свою питомицу по имени, – даст людям ключ к долголетию и позволит лучше понять, как развивалась жизнь на земле”. На

вопрос нашего журналиста, является ли правдой новость о завещании, Пикет ответил утвердительно: “Все мои средства будут принадлежать одной лишь Туа, до самой ее смерти, а затем пойдут в пользу других туатар”. Представитель “Пикет инжиниринг” сообщил, что события частной жизни руководителя не скажутся на деятельности компании». Лучший способ послать подальше детей – оставить все деньги ящерице!

– Насколько ты помнишь, это не ящерица, – поправила я.

– Холмси, однажды тебе дадут Нобелевку за Невероятную Педантичность. Я буду тобой ужасно гордиться.

– Спасибо.

Я остановилась у многоквартирного дома, где жила Дейзи, и припарковала Гарольда.

– Выходит, если отец Дэвиса умрет, сыновья не получат ни цента? Разве не должен он заплатить хотя бы за их обучение в колледже?

– Не знаю. Однако мне кажется, если бы Дэвис мог, непременно сдал бы своего папочку.

– Да, – согласилась я. – Но ведь кто-то должен быть в курсе. Один мистер Пикет ничего бы не сделал, правда? Нельзя просто так исчезнуть.

– Конечно. И возможных соучастников очень много. В компании тысячи сотрудников. Да и в поместье неизвестно сколько людей. В смысле, у них есть даже зоолог.

– Наверное, ужасно, когда в твоём доме весь день полно народа. И даже не родственники, а просто так, посторонние.

– Ты права, Холмси. Какое мучение – слишком угодливые слуги!

Я рассмеялась, а Дейзи хлопнула в ладоши.

– Ладно. Вот мои задачи: прочитать о том, как составляют завещания, и достать полицейский рапорт. Твоя задача: влюбиться в Дэвиса, что ты и так почти уже сделала. Спасибо, что подвезла. Пойду притворяться, будто люблю сестренку.

Она схватила рюкзак, вышла и громко хлопнула драгоценной хрупкой дверью Гарольда.

Дома я села смотреть телевизор с мамой, но думала все время о том, как Дэвис держал мою руку и разглядывал палец.

Доктор Сингх говорит – у меня обсессивные мысли, но когда она впервые произнесла это слово, я услышала «агрессивные», и такое название мне нравится больше, потому что они как сорняки – агрессивно вторгаются в мою биосферу из какого-то далекого мира и выходят из-под контроля.

Предполагается, что такие мысли есть у каждого. Ты стоишь на мосту или где-то еще и вдруг непонятно почему представляешь, что мог бы спрыгнуть. Если ты – такой же, как большинство, ты просто говоришь себе: Какая чушь! И живешь дальше. Однако у некоторых людей навязчивая мысль может и победить. Она вытесняет все остальные, пока не превратится в единственную. И ты без конца либо думаешь ее, либо стараешься от нее избавиться.

Смотришь с мамой сериал про детективов, путешествующих во времени, вспоминаешь о мальчике, который держал твою руку, а потом тебе приходит в голову: надо отлепить пластырь с пальца, проверить, нет ли там воспаления.

Тебе не хочется, это просто навязчивая мысль. Они есть у всех. Но свою ты прогнать не в силах. Поскольку ты довольно долго ходила на когнитивно-поведенческую терапию, ты говоришь себе: Я – не мои мысли. Хотя в глубине души не уверена, из чего именно состоишь. Ты приказываешь себе нажать на крестик в верхнем углу, закрыть эту мысль. И, может быть, она уходит ненадолго. Ты возвращаешься домой, на диван, к маме, и вдруг твой мозг говорит: Погоди-ка! А если в ране инфекция? Почему не проверить? Не стоило снимать пластырь в школьной столовой, не самое стерильное место. А еще ты плавала на каноэ по реке.

Теперь ты нервничаешь, потому что тысячу раз бывала на этом родео. Ты хочешь выбирать свои мысли сама. В конце концов, река действительно грязная.

Попадала ли на руку вода? Там и одной капли хватит. Нужно отлепить пластырь. Ты говоришь себе, что старалась не касаться воды, но твое «Я» отвечает: А если ты прикоснулась к чему-то, на что попала вода? Ты говоришь себе, что рана почти точно не воспалилась, однако пространство, созданное словом «почти», тут же заполняется мыслью: Надо проверить. Просто проверь, чтобы мы успокоились. И тогда – ну, хорошо, ладно – ты идешь в ванную, отклеиваешь пластырь и видишь, что крови нет, но на марлевой подушечке могло остаться немного влаги. Ты поднимаешь пластырь и рассматриваешь его насквозь в желтом свете, и да, влажное пятно определенно там есть.

Это, конечно, может быть пот, но может – и речная вода или, еще того хуже, серозно-гнойные выделения, верный признак инфекции. Ты находишь в аптечке антисептическую мазь, выдавливаешь немного на палец, и она страшно жжется, а потом хорошенько моешь руки, напевая песенку про алфавит, чтобы точно отмерить полных двадцать секунд, рекомендованных Центром профилактики заболеваний. Тщательно вытираешь руки. И вонзаешь ноготь большого пальца в трещину болячки, выдавливаешь кровь, пока не выйдет вся, а потом промокаешь рану салфеткой. Берешь пластырь из кармана джинсов, где он никогда не кончается, и аккуратно заклеиваешь палец. Возвращаешься на диван, смотришь телевизор, вся дрожишь, чувствуя, как мало-помалу тебя отпускает, и с облегчением сдаешься на милость своей природы.

Потом, через две, или пять, или шесть сотен минут, ты вдруг задумываешься: Погоди, а весь ли гной я выдавила? И вообще, там был гной или только пот? Если гной, тогда, наверное, нужно выдавить его снова.

Вот так спираль сжимается без конца.

Глава 6

На следующий день после уроков я присоединилась к толпе учеников, устремившейся к выходу по переполненным коридорам школы, и добралась до Гарольда. Нужно было сменить пластырь, и это заняло несколько минут, но я все равно решила подождать еще немного, пока народ не разъедется. Чтобы убить время, я отправила сообщение Дейзи и пригласила ее в «Эплби», ресторанчик, куда мы ходили делать уроки.

Несколько минут спустя она ответила: Работаю до восьми. Встретимся после?

Я: Тебя отвезти?

Она: Нет, уже еду с папой. Дэвис тебе писал?

Я: Нет. Написать самой?

Она: НИ ЗА ЧТО!

Она: Жди от 24 до 30 часов. Очевидно. Ты заинтригована, а не одержима.

Я: Поняла. Не знала, что существуют заповеди для пишущих эсэмэс.

Она: Существуют. Мы почти приехали, мне пора. Сейчас будем спички тянуть, кому надевать костюм Чака. Молись за меня.

Мы с Гарольдом отправились домой, но я вдруг поняла, что могу поехать куда угодно. Не совсем куда захочу, но почти. Могу сгонять в Огайо или Кентукки и все равно вернуться домой, когда положено. Средний Запад – всего пара сотен квадратных миль[3 - 200 квадратных миль равны 518 квадратным километрам. – Примеч. ред.], и благодаря Гарольду они в моем распоряжении. Словом, вместо того чтобы повернуть домой, я продолжила путь на север по Меридиан-стрит, оттуда выехала на окружную дорогу. По радио заиграла моя любимая песня, «Все время думаю о тебе», и я прибавила громкость. Басы дребезжали в старых динамиках Гарольда, а в глупом и детском тексте было все, что мне нужно.

Иногда по радио все песни как на подбор – отличные. Во время рекламы ты ловишь другую волну, а там играет песня, которая тебе очень нравится, но ты ее почти забыла, песня, которую ты никогда бы не выбрала, но она, оказывается, отлично подходит, чтобы распевать ее во все горло. Вот под один из таких чудесных плей-листов я и ехала в никуда. Сначала – на восток, потом – на север и вновь на восток, пока снова не очутилась у того самого выезда с Меридиан-стрит, откуда и начала свой путь.

Если посчитать расходы на бензин, путешествие по Индианаполису обошлось примерно в семь долларов. Сплошное расточительство, но зато мне стало

намного лучше.

Я припарковалась у гаража и увидела, что пришло несколько сообщений от Дейзи:

Мне досталась короткая спичка, придется лезть в дурацкий костюм.

Увидимся, если выживу.

Если умру, плачь на моей могиле каждый день, пока из земли не поднимется росток, а потом плачь еще, пока он не превратится в прекрасное дерево, чьи корни будут оплетать мое тело.

Меня уведят забирают телефон ПОМНИ ОБО МНЕ ХОЛМСИ.

Новости: я выжила. В «Эплби» меня подвезут. Увидимся.

В гостиной мама проверяла тесты, положив ноги на кофейный столик. Я села рядом, и она сказала, не глядя:

– Днем заехал какой-то Лайл из поместья Пикетов и привез наше каноэ. Его отремонтировали. Он сказал, что вы с Дейзи спускались по Уайт-Ривер и налетели на камень.

– Да.

– Вы с Дейзи. Спускались по Уайт-Ривер.

– Да.

Мама наконец посмотрела на меня.

- Думаю, сделать это вы могли только в одном случае. Если хотели встретить Дэвиса Пикета. - Я пожала плечами. - У вас получилось?

Я пожала плечами снова, но она смотрела на меня, пока я не сдалась.

- Я просто вспомнила о нем. Наверное, искала предлог, чтобы навестить.

- Как он теперь, без отца?

- Думаю, нормально. Кажется, почти все не очень любят отцов.

Мама прижалась ко мне плечом. Я знала, мы обе думаем о папе, но говорить о нем у нас никогда толком не получалось.

- Интересно, были бы у тебя стычки с отцом? - Я промолчала. - Он нашел бы к тебе подход, я уверена. Он понимал тебя гораздо лучше, чем я. Но волновался по любому поводу. Наверное, из-за этого тебе пришлось бы нелегко. Мне иногда бывало.

- Ты тоже волнуешься, - сказала я.

- Да. В основном из-за тебя.

- Я не обращаю внимания на тревоги. Волноваться - естественно. Жизнь сама по себе тревожна.

- Ты совсем, как он. - Мама грустно улыбнулась. - До сих пор не могу поверить, что он ушел.

Она говорила так, будто папа сам так решил. Косил траву и подумал: А сейчас я упаду и умру.

В тот вечер я приготовила макароны с консервированными овощами и сыром. За ужином мы смотрели реалити-шоу про обычных людей, которые стараются выжить в лесу. Когда мы с мамой взялись мыть посуду, Дейзи наконец написала, что приехала в «Эплби». Я сказала маме, что вернусь к полуночи, и воссоединилась с Гарольдом, который, как всегда, был великолепен.

«Эплби» – сеть средненьких ресторанов, где подают «американскую кухню». Это, главным образом, означает, что во всех блюдах будет сыр. В прошлом году на пороге нашего дома появился какой-то парень. Он уговорил маму купить огромную книгу с купонами в поддержку его бойскаутского отряда или что-то вроде того. В книге оказалось шестьдесят купонов на скидку в «Эплби» – два бургера за одиннадцать долларов. С тех пор мы с Дейзи активно ими пользовались.

Подруга ждала меня в отдельной кабинке. Она уже сменила рабочую рубашку на голубую футболку с круглым вырезом. Дейзи углубилась в свой телефон. Компьютера у нее не было, поэтому все – от сообщений до фанатских рассказов – она писала на смартфоне. Она умела печатать на нем быстрее, чем я – на обычной клавиатуре.

– Ты когда-нибудь получала фотографию члена? – спросила она вместо приветствия.

– Ну, я его видела, – ответила я, усевшись напротив.

– Конечно, видела, Холмси. Я же не спрашиваю, не монашка ли ты из семнадцатого века? Ты получала когда-нибудь фотку члена, которую тебе присылали без спроса и всякого объяснения? Типа, как приветствие.

– Нет.

– Смотри.

Она протянула мне смартфон.

– Ага, пенис, – сказала я, прищурившись и повернув телефон немного против часовой стрелки.

– Вот именно. И хотелось бы это обсудить.

– А может, не надо?

Я быстро опустила телефон, потому что к столику подошла Холли, официантка. Она обслуживала нас практически всегда, однако не принадлежала к числу поклонников Дейзи и Холмси. Возможно, причиной тому была наша купонная стратегия и ограниченные средства – мы не оставляли ей чаевых.

Дейзи, как всегда, заговорила громче.

– Холли, ты когда-нибудь получала...

– Нет, – перебила я. – Нет, нет, нет. – Я посмотрела на Холли. – Мне только воды, но без пятнадцати десять принесите мне, пожалуйста, вегетарианский бургер без майонеза и приправы. Простой вегетарианский бургер и булочку в коробке навынос. С картошкой фри.

– А тебе бургер «Пылающий техасец»? – спросила официантка у Дейзи.

– И бокал красного вина, пожалуйста. – Холли молчала. – Ну ладно. Воды.

– Полагаю, у вас купон?

– Как ни странно, да, – ответила я и придвинула к ней талончик.

Едва Холли отвернулась, Дейзи вновь посмотрела на меня.

– Как реагировать на пенис в качестве комментария? Это должно меня заинтриговать?

– Он, наверное, думает, что дело закончится свадьбой. Вы встретитесь в реале, влюбитесь и будете рассказывать детям, что все началось с фотографии члена.

– Станный такой отклик на мою историю. Типа: «Мне очень понравилось романтическое приключение Рей и Чубакки, когда они обыскивали потерпевший

крушение на Эндоре тулгахский корабль в надежде раздобыть знаменитый эликсир терпения. И в качестве благодарности я пошлю автору фотографию своего члена». Как это связать воедино, Холмси?

- Парни отвратные. Все отвратные. И сами люди, и тела. Меня от них тошнит.

- Наверное, просто какой-то неудачник, повернутый на Кайло, - пробормотала она.

Я не понимала, что она имеет в виду.

- Давай о чем-нибудь еще поговорим. Пожалуйста.

- Хорошо. Во время перерыва на работе я стала экспертом по завещаниям. И вот смотри: ты не можешь оставить деньги животному, но можешь завещать их корпорации, которая существует с единственной целью - обеспечивать животное всем необходимым. Короче, штат Индиана не признает людьми животных, но признает людьми корпорации. Таким образом, деньги Пикета пойдут компании, которая ухаживает за туатарой. Оказывается, оставлять своим детям наследство ты не обязан. Даже если ты очень богат - ни дом, ни деньги на обучение, ничего.

- А что случится, если их отца посадят в тюрьму?

- Им назначат опекуна. Домоправительницу, члена семьи или кого-то еще, и этот человек получит деньги на оплату их расходов. Если я не сделаю карьеру на розыске беглецов, пойду в опекунши к детям миллиардеров. Ладно. Теперь ты начинай собирать досье по делу Пикетов, а мне нужно раздобыть полицейский рапорт и сделать алгебру, потому что день не резиновый, а я провожу большую его часть в «Чак-и-Чиз».

- И как ты собираешься достать рапорт?

- Ну, ты знаешь. Хитростью.

По стечению обстоятельств мы с Дэвисом были друзьями в «Фейсбуке», и хотя его страница представляла собой давно заброшенный город-призрак, я нашла там один из его никнеймов – dallgoodman, который привел меня в «Инстаграм».

Там не было фотографий, только цитаты, напечатанные шрифтом пишущей машинки на фоне, имитирующем помятую бумагу. Первая, опубликованная два года назад, принадлежала Шарлотте Бронте: «Мне есть до себя дело. И чем меньше у меня друзей и поддержки, тем больше я стану уважать себя».

Последняя цитата была: «Тот, кто не боится смерти, умирает лишь один раз». Возможно, Дэвис намекал на своего отца, но я не смогла понять, какая именно тут связь. (И кстати, тот, кто боится смерти, тоже умирает лишь однажды, но ладно.)

Пролистывая цитаты, я заметила нескольких пользователей, которые постоянно ставили «лайки» под его постами. Среди них была некая annibellcheers. Ее публикации, по большей части, касались чирлидинга, но когда я дошла до фотографий, сделанных год назад, там обнаружили такие, где она была вместе с Дэвисом, а под ними стояло множество сердечек.

Похоже, их отношения начались летом между девятым и десятым классами и продлились несколько месяцев. В ее профиле в «Инстаграме» была ссылка на ее «Твиттер», где она все еще следовала за пользователем nkogneato. Оказалось, что это Дэвис – я поняла по фотографии, на которой его брат «бомбочкой» прыгал в бассейн.

Ник nkogneato привел меня в профиль на «Ютьюбе» – пользователь интересовался, в основном, баскетболом и длинными видео с прохождением какой-нибудь компьютерной игры. Наконец, пролистав множество страниц в поисковике, я нашла один блог.

Сначала я не могла понять, принадлежит ли он Дэвису. Каждая публикация начиналась цитатой, затем шел короткий абзац, в котором было мало личной информации. Например:

В определенный момент жизни красоты мира становится достаточно. Тебе не нужно больше фотографировать, рисовать или даже запоминать. Ее хватает.

Тони Моррисон

Прошлой ночью лежал на холодной земле и смотрел в небо – чистое, только немного подпорченное световым загрязнением и туманом моего дыхания. Ни телескопа, ничего, только я и широкое открытое небо. И я думал: о небе говорят в единственном числе, будто бы это что-то одно. Но небо – не одна вещь. Небо – всё. И прошлой ночью его было достаточно.

Я сомневалась, Дэвис ли это пишет, пока не заметила, что многие из цитат повторяются в его «Инстаграме». В том числе слова Бронте:

Мне есть до себя дело. И чем меньше у меня друзей и поддержки, тем больше я стану уважать себя.

Шарлотта Бронте

В конце, когда устали ходить, мы с ней сели на скамейку и стали смотреть на обмелевшую реку. И она сказала, что красота, главным образом, зависит от твоего внимания. «Река красива, потому что ты на нее смотришь» – вот какими были ее слова.

Еще одна запись, сделанная в прошлом ноябре, примерно тогда, когда они с anniebellcheers перестали отвечать друг другу в «Твиттере», была такой:

По общему согласию – горячее, по общему согласию – холодное, по общему согласию – обладающее цветом, но в действительности же – атомы и пустота.

Демокрит

Когда наблюдение не совпадает с правдой, чему ты веришь – своим чувствам или правде? У греков даже не было слова для голубого цвета. Он для них не существовал. И без слова они не могли его увидеть.

Я думаю о ней все время. Вздрагиваю, когда вижу ее. Но любовь ли это, или нечто такое, для чего у нас нет названия?

От следующей записи я похолодела:

Величайшее средство от стресса – это наша способность предпочесть одну мысль другой.

Уильям Джеймс

Не знаю, какой сверхсилой обладал Уильям Джеймс, но я способен выбирать свои мысли не больше, чем способен выбрать свое имя.

Он писал о мыслях именно так, как я их переживала – для меня это был не выбор, а судьба. Не каталог сознания, а нечто противоположное.

В детстве я жаловалась маме на обсессивные мысли, и она говорила: «Просто не думай об этом, Аза». Но Дэвис понимал. Выбора нет. Вот в чем проблема.

Была еще одна интересная деталь – все публикации Дэвиса в Интернете прекратились, когда его отец пропал. Больше двух лет он делал записи ежедневно, а на следующий день после исчезновения Пикета-старшего написал:

Спокойной ночи, кретины.

Дж. Д. Сэлинджер

Думаю, нам пора проститься, друзья, хотя, с другой стороны, никто не говорит до свидания, если не хочет увидеть тебя снова.

Все ясно. Должно быть, люди начали вынюхивать, как у него дела. Если уж я нашла тайный журнал Дэвиса, это могли сделать и полицейские. Однако ушел ли он насовсем или только перебрался на более далекий берег?

Я сбилась со следа. Потерялась среди похожих имен и в итоге узнала о множестве других Дэвисов. Мне попался Дейв Пикет, водитель грузовика из Висконсина, которому было пятьдесят три года; Дэвис Пикет, умерший от паралича, – он много лет публиковал короткие записи, сделанные с помощью программы, которая отслеживала взгляд. Еще был пользователь «Твиттера» с ником dallgoodman, чей блог полностью состоял из ядовитой брани в адрес членов конгресса. На сайте «Реддит» я нашла страницу с отзывами о матчах нашей баскетбольной команды. Возможно, их писал мой Дэвис, но, опять же, со дня, когда пропал Пикет-старший, в комментариях не появилось ничего нового.

– Я близко, – сказала вдруг Дейзи, – очень, очень близко. Вот бы и в жизни ориентироваться так же хорошо, как в Интернете.

Я подняла взгляд и вернулась в измерение «Эплби». Дейзи стучала по экрану телефона пальцами одной руки, а в другой держала стакан воды. Вокруг было шумно, горел яркий свет. Народ у стойки бара кричал, жарко обсуждая какое-то спортивное событие.

– Что у тебя? – спросила Дейзи и поставила стакан на стол.

– У Дэвиса была подруга, но они расстались где-то в прошлом ноябре. Он вел блог, потом забросил, когда пропал отец. Не знаю. В блоге он кажется... милым, наверное.

– Я рада, что ты употребила свой талант детектива, чтобы выяснить, что Дэвис милый. Холмси, я тебя люблю, но найди информацию по делу.

И я нашла. В «Звезде Индианаполиса» много писали о Расселе Пикете, поскольку его компания была одним из крупнейших работодателей штата, но еще – потому что с ним постоянно кто-то судился. Он заключил очень крупную сделку с недвижимостью в центре города, которая вылилась во множество исков; его бывшая секретарша и директор по маркетингу обе предъявили ему обвинения в домогательствах, а садовник, работавший в поместье, хотел привлечь за нарушение прав инвалидов. Списку не было видно конца.

Во всех статьях цитировали адвоката по имени Саймон Моррис. На странице его компании говорилось, что это «небольшая юридическая фирма для клиентов с высоким доходом».

– Можно от тебя подзарядиться, кстати? – Дейзи сунула руку в сумку, вытащила USB-шнур и протянула его мне, не отрываясь от телефона. Я подключила его к ноутбуку, и она вполголоса сказала: – Ну вот, спасибо. Я почти закончила.

Холли принесла мой заказ. Я с треском открыла пластиковый контейнер, схватила пару кусочков картошки и вернулась к своему расследованию. Я набрела на сайт под названием «Стеклянная дверь» с анонимными отзывами сотрудников о компании. Среди комментариев, касавшихся Рассела Пикета, были такие:

«Директор – жуткий извращенец».

«У Рассела Пикета явная мания величия».

«Я не говорю, что руководство заставляет нарушать закон, однако наши директора частенько начинают разговор с фразы “я не говорю, что вам нужно нарушать закон...”».

Вот каким человеком оказался Рассел Пикет. И хотя он сумел уладить проблемы с мелкими исками, следствие по уголовному делу продолжалось. Как я поняла, компания подкупила нескольких чиновников, чтобы получить контракты на строительство новой системы водоотведения для городской канализации.

Пятнадцать лет назад правительство отложило эти деньги на очистку Уайт-Ривер. Планировали построить больше отстойников, расширить систему тоннелей, которые проходят под центром города, и направить по другому пути ручей Погз-Ран. В течение десяти лет реку собирались избавить от канализационных отходов, которые попадали туда каждый раз во время дождя. «Пикет инжиниринг» получила контракт, но превысила бюджет, не закончив строительство. Тогда правительство расторгло договор и объявило конкурс для желающих завершить работу.

И тут, несмотря ни на что, «Пикет инжиниринг» выиграла контракт – очевидно, с помощью подкупа чиновников. Двух людей из руководства компании уже арестовали, и они, по слухам, сотрудничали с полицией. Самому Пикету обвинение так и не предъявили, хотя в статье, опубликованной за три дня до его пропажи, возмущались: «У нас достаточно доказательств, чтобы привлечь к суду Рассела Пикета, почему же бездействуют власти?»

– И вот. Так. Еще немного, еще. Сейчас, грузится архив, открываем, и... все!

Дейзи посмотрела на меня и улыбнулась. Ее передние зубы были немного кривыми, и поэтому она редко улыбалась во весь рот. Но сейчас я видела даже ее десны.

– Можно я подмигну, типа, как Скуби-Ду в конце мультика, и расскажу тебе, как у меня получилось? – Я кивнула. – В общем, первая статья о Пикете ссылается на полицейский рапорт, который раздобыла «Звезда Индианаполиса». Написала статью Сандра Оливерос при участии некоего Адама Биттерли. Фамилия отстой, но ладно. Биттерли явно работает в газете на побегушках, и в «Гугле» сказано, что он совсем недавно окончил Индианский университет.

Короче, я сделала фальшивую электронную почту, которая выглядит почти как адрес Сандры, и приказала ему выслать мне копию рапорта. Он ответил, что не может – этого документа нет на его домашнем компьютере. Я сказала ему, чтобы метнулся в офис и отправил оттуда. И он такой: «Сейчас же пятница, и вечер уже». А я: «Знаю, что пятница, однако новости не ждут. Работай, или я найду кого-нибудь тебе на замену». И тогда он поехал в офис и выслал мне сканы рапорта.

– Господи.

– Добро пожаловать в будущее, Холмси. Мы больше не взламываем компы, мы взламываем человеческие души. Файл у тебя в почте.

Иногда мне казалось, что Дейзи дружит со мной только потому, что ей нужен зритель.

Пока загружался рапорт, я смотрела сквозь щели в жалюзи на парковку. Прямо нам в окно светил фонарь, а вокруг него было черным-черно.

Я старалась отогнать одну мысль, но когда открыла файл и начала читать, она стала мучить меня еще сильнее.

– Что с тобой? – спросила Дейзи.

– Ничего. – Я снова отмахнулась от мысли, но безуспешно. – А у него не будет неприятностей? Когда в понедельник он придет на работу, он ведь спросит Сандру, зачем ей понадобился тот файл. Она удивится: какой еще файл? И тогда ему достанется. Его могут уволить.

Подруга закатила глаза, но я уже попала в спираль и начала волноваться, что журналист отыщет Дейзи, ее арестуют, и меня, вероятно, тоже, потому что я, наверное, соучастница. Мы всего лишь играем, но люди попадают в тюрьму и за менее серьезные проступки. Я представила выпуск новостей – девушки-хакеры в погоне за сыном миллиардера.

– Он нас найдет, – сказала я, помолчав.

– Кто?

– Биттерли.

– Нет. Я выхожу в Интернет с общественного Wi-Fi и, судя по IP-адресу, нахожусь в Белу-Оризонти, Бразилия. Но если он меня и найдет, я скажу, что ты понятия не имела, чем я занимаюсь, и сяду ради тебя в тюрьму. А ты в благодарность сделаешь на плече татуху с моим портретом. Будет супер!

– Я серьезно.

– И я серьезно. Твоей тощей ручонке просто необходим мой портрет. И к тому же того парня не уволят. И он нас не найдет. Зато научится, как добывать информацию с минимальным риском. Успокойся, ладно? А мне еще нужно доказать кое-кому в Сети, что Чубакка – личность.

Холли принесла счет – недвусмысленный намек на то, что мы засиделись. Я положила на стол дебетовую карту. У Дейзи вечно не было денег, и мама разрешала мне снимать раз в неделю двадцать пять долларов, если я получаю в

школе одни пятерки. Под столом я потеряла свою болячку. Наверное, Дейзи права, и все будет хорошо. Наверное.

Дейзи не подняла головы, но сказала:

- Серьезно, Холмси. Я не допущу никаких неприятностей. Даю слово.

- От тебя зависит не все, вот в чем штука. Жизнью сложно управлять.

- Да, черт побери, - пробормотала она, все еще глядя в телефон. - Ну вот, теперь этот парень говорит, что я пишу о зоофилии.

- О чем?

- В моем рассказе Рей и Чубакка любят друг друга. И это - я цитирую - «преступление, потому что речь об отношениях между видами». Там даже секса нет, потому что могут прочитать дети. Только любовь!

- Но Чубакка - не человек, - возразила я.

- Не важно, человек он или нет, Холмси. Важно - личность ли он. - Она почти перешла на крик. Дейзи относилась к «Звездным войнам» очень серьезно. - А он - личность, несомненно. Что делает тебя личностью? У него есть душа и чувства, он умеет говорить, он взрослый, и если между ним и Рей вспыхнула горячая, лохматая, контактная любовь, нужно просто поблагодарить Бога за то, что два разумных существа, достигших возраста согласия, нашли друг друга в темной и разоренной галактике.

Меня часто преследовал непреодолимый страх, но иногда спасением от него было просто послушать Дейзи. Она выпрямила что-то у меня внутри - мне больше не казалось, будто я попала в водоворот или двигаюсь по спирали, которая вечно сжимается. Больше не нужно сравнений. Я снова вернулась в себя.

- Значит, он - личность, потому что достиг возраста согласия?

– Никто не жалуется, когда мужчины-люди обжимаются с женщинами тви'леков! Потому что, конечно, мужчинам можно выбирать, с кем переспать. Но женщина-человек, влюбленная в вуки, – такой кошмар! Я понимаю, что просто кормлю троллей, Холмси, но я не могу такое поддерживать.

– Я только хотела сказать: младенец неразумен, но он все-таки личность.

– Никто ничего не говорит о младенцах. Это история о любви одного взрослого, который волею судьбы оказался человеком, и другого взрослого, который оказался вуки.

– А Рей вообще говорит на вуки?

– Немного досадно, что ты не читаешь мои рассказы, но больше всего раздражает, что ты вообще не читаешь никаких рассказов о Чубакке. Иначе знала бы, что вуки – не язык, а вид. У них было, по меньшей мере, три языка. Рей выучила шайривук от вуки, которые прибыли на Джакку, но мало им пользовалась, потому что почти все вуки понимали основной язык.

Я рассмеялась.

– А почему все в прошедшем времени?

– Потому что это случилось давным-давно в далекой-далекой галактике, Холмси. О «Звездных войнах» надо всегда говорить в прошедшем времени!

– погоди, а люди могут говорить на шайри... языке вуки?

В ответ моя подруга очень достоверно изобразила Чубакку, а потом перевела саму себя.

– Я спросила, будешь ли ты доедать свою картошку.

Я подвинула ей коробочку, Дейзи взяла горсть и с набитым ртом снова издала звук Чубакки.

– А это что значит? – спросила я.

- Прошло больше суток. Пора написать Дэвису.

- У вуки есть эсэмэски?

- Были, - поправила она.

Глава 7

В понедельник утром я повезла маму в школу, потому что ее машина была в ремонте. Прямо перед уходом я смазала болячку дезинфицирующим средством. Палец теперь горел, и я сильнее прижимала пластырь, из-за чего боль одновременно слабела и усиливалась. За выходные я так и не написала Дэвису. Все время хотела это сделать, но вечер в «Эплби» кончился, а после я начала бояться, что пауза, наверное, слишком затянулась. Дейзи в субботу и воскресенье работала, а потому заставить меня было некому.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

4 фута равны 1,22 метра. - Примеч. ред.

2

1 дюйм равен 2,54 сантиметра. – Примеч. ред.

3

200 квадратных миль равны 518 квадратным километрам. – Примеч. ред.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/dzhon-grin/cherepahi-i-net-im-konca>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)